

Николай Некрасов Коробейники

*Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)*

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоём,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23-го августа 1861, Грешнёво, Н. Некрасов

I

*Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
(Песня)*

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночи погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждёт удалый молодец.
Чу, идёт! — пришла желанная,
Продаёт товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.

Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенёк.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенка:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-زازнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

*Зачали-почали
Поповы дочери
(припев деревенских торгашей)*

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жёны мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебёдушки
Новины свои несут.
И старушки вожеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и *любчики* заветные —
Хоть кого приворожат!»

Началися толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ёжится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пёструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники.
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путём.

III

*Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
а не хошь добра, так не пей до дна.*

Старинная былина

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!»
— «В день теперя не отплюешься,
Как ещё прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!» —
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш. —
«Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх!»
— «Понагрел ты Калистратушку.»
— «Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого». —
«Рыжий, клином борода». —
«Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!»
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха,
Где бы свадьба богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горяшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Чёрно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабё неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,

Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Все бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

«Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой, ты зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мёртвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придётся отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— «Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..»

IV

Ай, барыня! барыня!
(Песня)

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгоши.
По реке идут — с бурлаками

Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?» — и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко, —
Старичок за холку хватить!
«Эй! ещё, ещё немножечко!» —
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика:
Эх ты, пареный да вяленый!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяный,
Надо новый покупать?»
Им обозники военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пёстрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
— «*Каширята с Зюзенятами ...*» —
— «Заяц! вон гляди туда!»
Всполошились борзители:
— «Ай! ату его! ату!»
Ну собачки! Ну губители!

Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься чёрствой корочки)
И опять пустились в путь.
«Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха».
— «Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост».
— «Вот усадьбишка дворянская,
Завернём?...» — «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Чёрт побрал бы моду новую!
А бывало в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящею косою,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.

На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама руками белыми
Отбирает не спеша,
И берёт кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
„Что возьмёшь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?“
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтётся — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
„Подходи сюда, дружок!“
Подбегаю к ним скорёхонько.
„Что возьмёшь за короб весь?“
Усмехнулся я легохонько:
„Дорог будет, ваша честь“.
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
„Подбирай, честной народ!“
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!» —

V

— Много ли вёрст до Гоголина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть)
(Крестьянская шутка)

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слёзы в три ручья лила!

Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилось
Молодице невтерпёж,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лён стлала до тёмной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лён, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свёкру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаячи,
Веселися, песни пой!
А вернёшься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
„Спи пригожий, спи, румяненький!“ —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы:
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
„Поцелуй, дружок, меня!..“»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой, пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелёк.
Жди-пожди, душа-зазнобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идёт.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прощелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут просёлками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
„Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь“. Вот оне!
Чёрт попутал — мы поверили,
А кто вёрсты тут считал?»
— «Бабы их клюкою меряли, —
Ванька с важностью сказал. —
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».
— «Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдёшь — сойдёшь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,

Да пески, пески сыпучие...»
— «Стой-ка, дядя, чу, идут!»

VI

Только молодец и жив бывал.
(Старинная былина)

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пёс в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
— «Путь-дороженька, стрелец!»
— «Что ты смотришь?» — «Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?»
— «Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?»
— «А кажись, лицо знакомое», —
Шепчет Ванька старику.
«Что вы шепчетесь?» — «Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?» — «Нам по пути,
Я из Шуны». — «А далёко ли
До деревни, до твоей?»
— «Вёрст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
— «Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несём назад».
Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шёл ты, старый воробей!» —
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевались воробушки,
Полетели отдыхать!»
— «Что, дойдём в село до ноченьки?»
— «Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружьё нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу».

И с плеча ружьё двуствольное
Снял — и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы».
Покосились наши купчики
На тяжёлые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
«Неужели, парень, бьёт оно?»
— «Бьёт на семьдесят шагов».
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тят да ляп!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же пёс в ошейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далёко ли?»
— «Близко». — «Что ты?» У реки
Курапаточки закокали.
И детина взвёл курки.
«Ай, курочки! важно щёлкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоём для куражу!»

Коробейникам не пелосся:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
«День-деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
— «Так, я пробую прицел...»

Дождик, что ли собирается,
Ходят по небу *бычки* ,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужики.
Пёс бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как *ухалица* ухает,
Чу! ребёнком стонет сыч.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берёт.
«Аль спознался с лихорадкою?»

— «Да уж три недели бьёт —
Полечи!» — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился:
«Что за шутки! — говорит. —
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А жывал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждёт сердечный: „Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?“
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
„Эй, хозяйка! нету моченьки.
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?“
Да не то у Степанидушки
Завелось на уме:
С той поры её у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула, —
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зеркалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
„А за что вы, чёрны вороны,
Очи выклевали мне?“
Тут и сам судья покался:
„Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,

Позабыли про тебя!“

Тит — домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,
С барином слюбилась жёнушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошёл.
Шёл — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вёл.
И говаривал старинушка:
„Вся-то песня — два словца,
А запой её, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудрёную
Тот до слова допоёт,
Кто всю землю, Русь крещёную,
Из конца в конец пройдёт“.
Сам её Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!
Песня убогого странника
Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живёшь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьёшь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьёшь?

С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идёшь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба, —
Я опять во стада», —
и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружьё прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
«Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?... В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— «Трусы, трусы вы великие!» —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно! — Тихоныч сказал. —
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А ещё хотел я дёшево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьём,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
«Эй, уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька. — Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить». —
А лесник опять наметился.
«Не шути!» — «Чаво шутить!» —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,

С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребяташки, богат;
Два бекаса ныне славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— «Их-то нам и покажи!» —
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мёртвых предали,
Лесника в острог свезли...

Август 1861